

Первый ректор

Еще и сегодня на учебнике "Детали машин" стоит его имя. За именем — инженер, ученый, общественный деятель. Бывший ректор Одесского политехнического.

В этом году ему исполнилось бы девяносто лет. Но вы уже не увидите старой, прокуренной трубки в руке, не уловите лукавых огоньков на доньшке глаз. Наконец, никто из студентов не скажет вам по секрету, что самый веселый человек в институте — это ректор. Но тут же добавит: редко кто видит ректора улыбающимся...

Что оставил **Виктор Афанасьевич Добровольский**, как повторился он в учениках своих!

К. И. ЗАБЛОНСКИЙ. ректор Одесского политехнического института.

— Сначала я слышал о нем. Это было вечером, в 1932 году, в подвале машиностроительного техникума, в лаборатории деталей машин. Металлическую платформу (поддон) мы с преподавателем нашего техникума Старосельским в это время нагружали гирями. Вопросы деформации валов, в общем, экспериментальная часть диссертации. Диссертацию же Старосельский писал на кафедре у Добровольского, работал еще и там, ассистентом.

Можете только представить, как я тогда, еще мальчишка, учащийся техникума, ловил каждое слово о Добровольском. Слов было не так много: приходилось по 8 часов таскать эти гири, уставали. Но то, что происходило там, в институте, казалось мне недостижимым миром, почти на грани фантастики.

Наконец, Старосельский привел меня на кафедру. Я увидел человека большеголового, с крупным мясистым носом. Человек снял с носа пенсне со

странной большой дужкой. Положил пенсне на стол рядом с трубкой. Потом долго «со вкусом» набивал трубку табаком, наконец, закурил.

Через несколько минут началось заседание кафедры. Я смотрел на него, ловил каждый жест, каждое слово. Почему-то не кафедра У него, а «наша джаз-кафедра», самым серьезным положениям он неожиданно и блестяще придавал шутливую форму. Тогда мне и в голову не приходило, что я выучу каждый его жест — от того, как он держит ручку, до того, как поправляет фуражку. Будет такая возможность.

Л.Б. ЭРЛИХ, зав. кафедрой экономики машиностроения.

- Я знаю Добровольского еще раньше. Это был электрофакультет вечернего рабочего индустриального института. Добровольский читал нам лекции...

За год до окончания института на обувной фабрике, где я был электриком, случился пожар. Полгода я пробыл под следствием, наконец, разобрались, выпустили. Пришел к Добровольскому (он работал заместителем директора института, директором же был тогда кто-то другой) самым что ни на есть, неудачником: пропущенные лекции, несданные экзамены. Он поверил, как говорится, «вытащил» меня. Именно с того времени я и стал бывать у него дома, на улице Энгельса. Так познакомился с книгами, с последними достижениями науки.

Очень любил животных. Были у него отличные боксы. Знал толк.

Более поздние годы. Приглашают Добровольского на экспертизы по всему Союзу. Кстати, экспертом каким был! Только послушает машину, сразу может определить, где ее ждет поломка.

Сам не ездил. То ли скучно одному, то ли нас в свет выводил...

Все не то я говорю. Как - ученый должен он интересоваться. Правда, называл себя не ученым—инженером. Около 140 работ написал. Книги, статьи, монографии. От описания различных ремесел (это семнадцатый год —

двадцать третий) к монографии о конструировании и расчете экскаваторов, к книгам по ременным передачам. Такая деталь: только за последние десять лет книга «Детали машин» (там теперь 5 авторов) выдержала 7 изданий. Переведена на французский, английский, арабский и другие языки.

Помню статью его, сильно нашумевшую. Длинное название: «Нужно ли рассчитывать валы на угол закручивания $1/4$ градуса на погонный метр?». В общем, существовало правило, которое сомнения ни у кого не вызывало. И вот статья Добровольского. Вначале, помню, дал обзор: в таких-то справочниках, такая-то норма. Потом порылся в истории, а затем спокойно изложил, что в действительности имеет место. Расчеты. И вдруг неожиданный для читателя вывод: эта норма не заслуживает уважения. А ею сто лет пользовались. Еще деревянные валы рассчитывали...

Да, мы старались подражать ему хотя бы в малом. Вот видите, как ручку держу. Все мы так ручки держали. Говорил, не меньше десяти страниц в день писать надо, в любых условиях. Ведь это первый технический вуз в нашем городе был. Вакуум. И в науке заполнить его еще надо было. Попробуйте так ручку взять, правда, удобнее?

И. П. НИКИФОРОВ, старший преподаватель кафедры прикладной механики.

— А ко мне вы обратились совсем не по адресу. Да, мы вместе с Константином Ивановичем у Добровольского в аспирантуре были. Вот он как ученик доверие оправдал — ректор теперь. А что я? Кандидатскую до сих пор пишу. Так что не по адресу.

Что? Говорите, Константин Иванович так и сказал: Никифорову больше остальных есть о чем рассказать? Что-то не верится мне, проверить еще надо.

А блокнотик у вас, смотрю, уже кончается.

Факты все. Вон сколько вам другие уже наговорили. Тем более не пишите. Положите свой блокнотик, я так вам скажу.

Значит, как я считаю. Понимаете, как бы это назвать культурно. Не боялся Добровольский ответственности, во многих случаях на себя брать. Говорили ему: буква есть, параграф. А он поступал так, как считал правильным. Имело это более простую форму. В том смысле, что решение принимал быстро, без лишних слов. А ведь знал, что придется воевать потом, доказывать.

Помню, в 1951 году вступительные экзамены шли. Был я тогда ответственным секретарем приемной комиссии (и еще раз в 1955 году). Стал вопрос о том, кого принимать. Объявили балл, заведомо проходной. Потом полупроходной. И вот до 25 августа садит он всю приемную комиссию в своем кабинете, ждет — приходите. Идут родственники и те, кто по конкурсу не прошел. Я к чему это говорю: здесь важно не ошибиться, правильно найти решение, кого принять в институт. Учесть каждый исключительный случай. Так вот, не один брался решать, а с нами со всеми. А сколько таких исключительных случаев тогда было: фронтовики бывшие поступали, после госпиталей. Беседовал с ними. Старался выяснить все. Чутко к людям относился. Без рисовки. Схватывал главное. И не боялся таких в институт брать. И знаете, что редко кто из этих студентов потом подводил.

На лекцию мне сейчас идти. Название нашей кафедры широкое: прикладная механика. Но к нему тоже надо исторически подходить. Мы читаем не только курс теории механизмов и машин, но и другие курсы, связанные с деталями машин. С тем, что и Добровольский студентам читал. И как читал! Без шпаргалок, портфелей, папок. В крайнем случае, если цифра нужна, лезет в боковой карман за записной книжкой. А чертеж мелом на доске — как под линейку. Прямо графика. Красота.

Учеников же, последователей, не держал специально при себе. Школы не создавал, о титулах не думал. Вложит в человека свое и отдает другим. Помню, я еще студентом был, он Сергея Васильевича Пинегина в лабораторию Первого государственного подшипникового завода послал. В

производство тогда надо было начинать идти, в практику. Как крутились стенды... Первые советские подшипники пошли в дело. А вот другой его ученик, Никулин, на войне погиб...

В общем, лучше к Коле Олейнику, я вас провожу. Он самый молодой у нас профессор. И память у него тоже отличная.

Н. В. ОЛЕИНИК, заведующий кафедрой химического машиностроения.

— Мне был 21 год, а Виктору Афанасьевичу уже более шестидесяти. Я, юнец, стать с ним рядом стеснялся. Игорь Петрович Никифоров в то время уже был его аспирантом. Кстати, великих способностей человек. Ценил его Добровольский. Об этом много можно рассказывать, но важно, чтобы вы поняли главное. То, что делает Никифоров, не нуждается ни в каких проверках. Идеально. Мешает ему только то, что он сразу хочет все ухватить. Придите к нему в лабораторию с каким-нибудь вопросом. Он сразу свои дела в сторону и начинает думать над вашей проблемой. И так, и этак. Сутками может сидеть, пока не решит. А время ведь идет. В общем, трудно все объяснить. Но какие у человека требования к себе, к своей работе!

С 1948 по 1951 год учился я в аспирантуре на кафедре деталей машин у Добровольского. Пожалуй, главное его качество — труженик. От статьи до характеристики на сотрудника — сам все писал. Экзаменационные билеты тоже сам. Помню, для 25 студентов он сделал сто билетов по деталям машин.

Именно тогда и начали практиковать, учить студентов не запоминать, а мыслить. Например, нужно изложить сложные математические выкладки. Кажется, страшно запомнить все, а Добровольский доказывает, что не в частном решении суть — в методике. Полчаса, примерно, на каждого студента отводил Виктор Афанасьевич при опросе. Это долго, но окупается.

Старался поддержать молодежь, всякое предложение. В то время на кафедре изучалась проблема повышения износостойкости деталей. Она и

сейчас предмет поиска научно - исследовательских организаций. Долго думали, потом Никифоров вдруг предложил одно решение. Виктор Афанасьевич понял его почти с полуслова. Оригинальное решение. Немедленно предложил разрабатывать. Да, Никифоров мог уже десять диссертаций защитить.

Вот тогда и ввел Добровольский в свои лекции проблему необходимости применения поверхностного упрочения деталей, так сказать, взял прямо свеженькую. По тем временам это было чрезвычайно ново. Суть в том, что в течение десяти секунд поверхность детали обстреливается мелкими дробинками. Например, рессоры. Уязвимы, ломаются. А это давало возможность раз в двадцать повысить их долговечность...

К. И. ЗАБЛОНСКИЙ:

— У меня сохранился конверт с письмами, которые писал Виктор Афанасьевич во время войны. Видите, разграфленный кусочек ватмана превращался в полевую почтовую открытку. В письмах этих он был по-мальчишески стеснителен... Все боялся оказаться некстати навязчивым. Письма разные и речь о разном, но пронизаны одним: чувством. Чувством Родины...

Один случай мне все-таки хотелось бы рассказать. Я был солдатом в одной из авиационных частей. А Виктор Афанасьевич находился в это время в Сталинграде, куда был вначале эвакуирован. Я много рассказывал о нем в полку, так что дали мне возможность поехать к нему¹ на два дня. Собрали мне ребята весь свой табак. Сел я в поезд, приехал, нашел улицу, дом возле завода. И вот помню до Мелочей, его удивленные растерянные и почему-то чуть-чуть виноватые глаза. Как засуетилась жена, как оказались на столе свекла и бурда. Как кудато бегали, потом принесли жидкость, из которой делают Мороженое! Это был пир...

И вдруг я достаю из вещевого мешка самые настоящие продукты... И самое главное — табак. Он смотрит — одна, две, три пачки. Его лицо в эти минуты запомнилось навсегда.

Но чаще других вспоминается мне почему-то совсем незначительный эпизод. Еще много лет до войны, идет полупустой трамвай, 5-й номер, остановка. Он входит с передней площадки, небольшой, коренастый, в сапогах, в кепке. Становится рядом с вагоновожатым широко, устойчиво," крепко. Трамвай трогается. И никто из пассажиров, кроме меня, боящегося поднять глаза на его спину, не знает, что это видный ученый, что ездить ему в трамвае, а в личном автомобиле. Зато они уверены, что если это не летчик,

то штурман дальнего плавания. И уж точно — не вагоновожатый, а он, мой учитель, ведет этот трамвай.

Специальный корреспондент

«Вечерней Одессы»

И. ПУСТОВОИТ.

Одесский ордена Трудового Красного

Знамени политехнический институт.